

Дженн Рис и Джастине Робсон,
настоящим крестным мамам Кэт

I

1804

Что бы там ни говорили мои сестрицы, а здравого смысла мне не занимать. Именно поэтому я почти дождалась полуночи в последнюю ночь на пути в Девон и только тогда вылезла в окно своей спальни.

По счастью, наши комнаты в трактире находились на втором этаже, так что веревки, которую я прихватила из дома на такой вот случай, хватило с лихвой. А главное, я знала полезный секрет: тайком выбираться из дома посреди ночи куда проще, если стать невидимой.

Я с глухим шлепком приземлилась на траву, и веревка крепко хлестнула по краю подоконника. Настал момент истины: я задержала дыхание, не сводя глаз с темного окна и высматривая малейшие приметы того, что сестра проснулась, пришла в ярость и собирается использовать все свои немалые способности — вплоть до непотребного колдовства, — чтобы затащить меня назад в безопасное место.

Тишина. Я расслабила плечи. И далеко не в первый раз в жизни благословила свою сестрицу Анджелину за то, что она всегда спит как убитая. Вот если бы мне пришлось делить комнату с нашей старшей сестрой, Элиссой, ее бы этот шум поднял с постели в мгновение ока, и тогда поднялась бы совершенно невообразимая суматоха, а меня бы заклевали за нарушение приличий.

Едва ли не в первый раз в жизни я порадовалась тому, что ее с нами нет.

Не было в целом свете другого человека, которого я любила бы так же сильно, как Элиссу, и с тех пор как прошлой осенью она переехала со своим молодым мужем в Лондон, я постоянно по ней скучала. Впрочем, в том, что касается приличий, она никогда и никому не давала спуска. А магию она считала одним из самых неприличных занятий в мире.

Мне же магия страшно нравилась по той же самой причине.

Травинки щекотали босые ноги, и я полной грудью вдохнула студеной ночной воздух. Зарождающаяся магия, мощная и необратимая, заставляла голову гудеть.

Я выбралась из дома по делу, и в кои-то веки никто из родственников не сумеет мне помешать.

Я огляделась по сторонам, давая глазам привыкнуть к темноте. Выбравшись из окна, я оказалась у боковой стены длинного бревенчатого трактира, — он упирался в склон холма, заросшего редкими деревцами. Ближе к вершине дерева росли гуще, начинался настоящий лес, темный и таинственный. До моря отсюда всего одна миля — так близко к нему я еще никогда не бывала, — и в воздухе угадывается легкий запах соли, непривычный и загадочный.

Слева, ниже по склону, стояли крытые соломой деревенские домики, — там было темно и тихо. Справа перешептывались во мраке деревья. Холодный ветерок ерошил мне волосы, обещая скорое приключение.

Куда идти, я знаю в точности.

Вокруг ни души, но я сохраняю невидимость, пока то-ропливо шагаю мимо конюшни и вверх по склону холма,

к лесу, погруженному во тьму. *Меня не видно, не видно, не видно...* Хотя и кажется, что вокруг — одна лишь ночь, но я-то знаю, что видела сегодня днем, — да и вчера, в другом трактире, — а самое главное — возле нашей развалюхи, дома викария, в родном Йоркшире.

Меня преследуют, и это ощущение мне совсем не нравится.

Ткать магию я прекратила, только оказавшись среди деревьев и ярдах в пятидесяти от трактира. Ха! Мой таинственный преследователь может хоть до утра ошиваться рядом с трактиром — меня это не волнует. Видеть, как я ушла, он точно не мог... а значит, я свободна.

Следующие пять дней, пока свадьба Анджелины не завершится самым благополучным образом, придется мне вести себя скромно, чопорно и благовоспитанно, точно ангелочек, — и всё ради сестры. Ее жуткая будущая свекровь миссис Карлайль в оба глаза высматривает поводы еще сильнее невзлюбить мою сестру, но уж от меня она их не дождется. Впрочем, мы пока не доехали до Хепворт-парка, а мне необходимо отточить свои навыки Стражницы.

Я опустилась на колени в сырую траву в середине залитой лунным светом прогалины. Закрывает глаза и почувствовала прикосновение ветра к каждому дюйму кожи.

Воздух, окружи меня. Этот беззвучный приказ я отдала, собрав всю силу воли. Глубоко вдохнула и почувствовала, как прохладный ночной воздух смыкается вокруг. Руки начали подниматься...

И тут совсем рядом раздался знакомый голос.

— Я так и думал, что это ты тут топчешься, — произнес мой брат Чарльз.

— Да чтоб тебя! — Я распахнула глаза. Чары рассеялись, не успев закрепиться.

Чарльз стоял под ближайшим деревом: белокурые волосы взлохмачены, ни пиджак, ни жилет не застегнуты. Вид у него был такой, будто он всю ночь провел на каком-нибудь кутеже, — зная Чарльза, я бы этому совершенно не удивилась.

— Чего тебе тут понадобилось?

— Я и тебе могу задать тот же вопрос, — отозвался Чарльз, а потом, протянув руку, без всякого видимого усилия поднял меня в воздух. — Юной леди, знаешь ли, негоже шляться по лесу среди ночи.

— Да что ты говоришь? — злобно фыркнула я. — Ладно, будем считать, мне повезло, что ты вовремя появился и меня просветил. Уж ты-то, как известно, просто образец всех добродетелей!

Чарльз передернул плечами. Сильнее всего в моем старшем брате меня бесит то, что его почти невозможно втянуть в перепалку.

— Я решил, что ты, возможно, не все продумала, — заявил он.

— Ты... — Я поперхнулась и затрясла головой. Даже не сумела закончить фразу.

Это Чарльз-то считает, что я не до конца продумала свои действия? Чарльз?

Утруждать себя ответом на этакий бред было просто смешно. Вместо этого я смерила взглядом его помятую одежду.

— Ну а сам-то ты чем занимался? И как ты меня нашел?

— Услышал, как ты там топаешь в соседней комнате, — пояснил он. — Выглянул в окно, смотрю: веревка болтается. Анджелина явно никуда не полезет, а значит...

Проклятье. Вспомнила же, что самой нужно стать невидимой. А о том, чтобы сделать невидимой веревку, даже не подумала.

— А почему ты вообще в такой час оказался у себя в комнате? — поинтересовалась я. — Насколько мне известно, ты в трактирах обычно пьянствуешь до зари.

Он как-то глупо обиделся.

— Да ну тебя, Кэт. Я с прошлого сентября хожу трезвый как стеклышко. И ты прекрасно это знаешь.

Я только моргнула в ответ.

— Правда?

Напрягла память. Действительно, выпившим я Чарльза не видела на удивление давно, но мне казалось, что дело в том, что Маман крепко за него взялась. Насколько мне было известно, если он и успел чему выучиться в Оксфорде прежде, чем его вытурили оттуда за неподобающее поведение, — так это пить, пока мозги не превратятся в кашу, а также — кстати, если подумать, возможно, эти вещи взаимосвязаны, — проигрывать несусветные суммы денег в бессмысленные карточные игры.

— Я исправился, — заявил Чарльз. — Теперь я почти святой. А ты что, даже не заметила?

— Гм... — Я попыталась придумать, как ему ответить повежливее.

Но не успела.

— Еще бы, — пробормотал он, качая головой. — Если ты в чем проштрафилась, сестры заметят сразу, уж куда там, но если ты в кои-то веки решил стать человеком...

— Прости, — сказала я. — Ты прав, мне следовало бы... Погоди-ка. — Я посмотрела на него в упор. — А кто в прошлом месяце улизнул в трактир поиграть в карты?

И за месяц до того, когда Маман повезла Анджелину в Хэрроугейт покупать свадебные наряды? И еще...

— А это не считается! — с видом оскорбленного судьи заявил Чарльз. — Я там был, но не пил. И кроме того, каждый раз оставался в выигрыше.

— И что?

— Я нынче всегда в выигрыше, — похвастался он, прислоняясь к ближайшему стволу. — А так оно совсем неинтересно. Поэтому я решил и карты бросить тоже.

Поди разберись в этих братьях.

Я вздохнула и смахнула травинки с юбки.

— Ладно, неважно. Помоги-ка, раз уж ты здесь.

Он попытался отпрянуть и едва не стукнулся о ствол.

— Да чтоб я провалился, Кэт! Ты же знаешь, что я не занимаюсь этой вашей магической белибердой.

— Это не белиберда. — Я решительно шагнула в его сторону. — Кроме того, если ты мне поможешь, я управлюсь гораздо быстрее.

Он стоял, распластавшись по стволу, и тарашился на меня с таким ужасом, будто я навела на него заряженный пистолет.

— Кэт, я серьезно. Вы с Анджелиной можете развлекаться своим колдовством сколько вздумается, но я-то теперь разобрался, что такое магия, и...

— Это не колдовство, — поправила я. — И даже не то чтобы необузданная магия, так что можешь не изображать из себя перепуганного котенка. А то, что прошлой осенью твои болваны-однокурсники втравили тебя в дурацкую историю...

— Если бы тебя едва не принесли в жертву паршивой римской богине, ты бы так спокойно об этом не рассуждала, — заявил Чарльз и принялся потихоньку отползать

в сторону вдоль ствола. — Слушай, ты тут, похоже, и сама прекрасно справляешься, так что...

— В тот раз именно я тебя спасла, — напомнила я ему. — Забыл, что ли? — И я схватила его за рукав пиджака, чтобы не сбежал. — Сегодня у меня последняя возможность потренироваться перед обрядом посвящения. Половина Стражников Ордена вообще считают, что мне там не место, — именно потому, что наша мама занималась колдовством.

Ну, если говорить честно, это была правда, но не вся. Да, раньше я не нравилась членам Ордена Стражников, с его нетерпимостью к колдунам, именно из-за маминого прошлого, но теперь дело было еще и в том, что я лишила наследственного главу Ордена волшебной силы — а заодно и мозгов.

Вот только сделала я это ради того, чтобы спасти Чарльзу жизнь, и попрекать его этим или делать вид, что сожалею о своем поступке, я не могла даже ради того, чтобы переспорить упрямого брата.

Так что эту часть пояснений я решила пропустить и только сказала голоском как можно более нежным и жалостливым:

— Ты правда хочешь, чтобы я опозорилась перед всеми этими важными людьми?

Я прекрасно знала, в какой именно миг одержала победу. Чарльз заметно ссутулился еще до того, как заговорил.

— Ладно, — произнес он. — Но учитывая, что их всех с позором выставят из Общества, если станет известно, что они занимаются магией...

— Знаю, знаю, знаю. — Я потянула его вниз, на траву, где сидела раньше. — Садись сюда.

Опасливо поглядывая на меня, он опустился на землю.

— Больно-то хоть не будет?

— Глупостей не болтай. — Я села напротив, подняла руки. — Тебе наверняка очень понравится. — Я закрыла глаза, сосредоточилась. *Воздух, окружи меня.* — Все же хотят научиться летать.

— Что-что? — скорее пискнул, чем вымолвил Чарльз. Но тратить энергию на ответ я не могла.

В воздухе нарастало давление, он сделался куда более плотным, чем при первой попытке. Я медленно подняла руки, набрала ночной тьмы в ладони. На ощупь она оказалась густой, почти как масло. А выше, в груди, давило так сильно, что стало трудно дышать.

Раньше я этого никогда не делала. Мой наставник, мистер Грегсон, недавно сказал, что пока я самостоятельно вряд ли с этим справлюсь. И даже добавил — явно по доброте душевной, — что мне даже и пробовать не придется, что Стражники меня не осудят, если во время обряда посвящения на следующей неделе я пропущу этот элемент: ведь со мною никто так долго по-настоящему не занимался.

От одной этой мысли зубы сжались сами собой. Да, другие Стражники вряд ли меня осудят. Просто станут хихикать, прикрывшись руками, и тогда...

— Кэт? — позвал меня Чарльз. — Ты чего? Тебе больно, что ли?

Ай! Я разжала челюсти и выпустила воздух, который так долго держала в груди. *Сосредоточься.* Воздух в руках опять стал просто воздухом — чары рассеялись.

Я вдохнула поглубже, заставила себя расслабить плечи. *Воздух, окружи меня.*

Я смогу. Я — Стражница по праву рождения, как и моя мама. И это единственное, что меня до сих пор с ней связывает.

Чтобы спасти Чарльза, пришлось пожертвовать самым дорогим моим сокровищем: маминым волшебным зеркалом, полученным ею по наследству порталом для входа в Золотой зал Стражников. Да, я не жалею об этом поступке, и, хотя маму свою я никогда не видела, я уверена, что она осталась бы мной довольна. А вот другие члены Ордена не оценили моего поступка. Совсем не оценили.

В каждой семье от поколения к поколению передается по одному portalу. Только одному, и его положено хранить и беречь превыше всего. Не знаю, сколько членов нашей семьи пользовались маминым зеркалом до того, как оно попало ко мне, но, когда я швырнула его в кипящие воды Купален в Бате, чтобы завершить ритуал небузданной магии и спасти Чарльзу жизнь, я собственными руками избавилась от единственной вещи, которая могла доказать остальным членам Ордена, что я имею право оказаться в их рядах.

Правда, отказать мне в приеме они тоже не могли: в конце концов, я спасла Британию от нашествия, а Стражников — от скандала, связанного с предательством их собственного главы. Но чтобы пройти обряд посвящения, мне нужен новый портал... а ворчания по этому поводу столько, что можно подумать, будто я из чистого эгоизма требую себе бриллианты короны. С тех пор как я лишилась маминого зеркала, прошло целых восемь месяцев, и как миссис Карлайль один за другим выдумывала предлоги отсрочить свадьбу моей сестры, так и Орден один за другим выдумывал предлоги: время,

мол, не самое подходящее, чтобы меня посвящать и выдавать мне новый портал.

Тут, наверное, удивляться нечему — ведь и мама тоже крепко вывела их из себя. После того как ее изгнали из Ордена за тайные занятия колдовством, она ошарашила всю Англию, перестав хранить его в тайне. В глазах Общества нет преступления хуже, чем публичное использование волшебства, причем любого, — и не только Стражники из Ордена до сих пор шипят от ярости и презрения при каждом упоминании маминого имени.

Надо сказать, что вступить в Орден я согласилась не столько ради того, чтобы сражаться с черной магией, сколько с целью восстановить мамину репутацию Стражницы. Да, положим, с зеркалом мне пришлось расстаться, но я скорее умру, чем позволю снобам, которые выставили ее за дверь из-за ее любознательности и отваги, смотреть на меня свысока во время обряда посвящения.

Я заслужила новый портал. И я это докажу.

Я сложила ладони и наполнила их воздухом. По телу заструилась сила, поднимаясь кверху. Окружившая меня ночь теперь в моей власти.

Воздух, поддержи меня.

В первый момент я подумала, что мне это только кажется. А потом почувствовала, как прохладный воздух заколыхался под юбками ночного капота¹.

Я открыла глаза. Чарльз таращился на меня, широко открыв рот...

А я висела в целом дюйме над землей.

Пришлось прикусить губу, чтобы не засмеяться от восторга. Я потянула за воздух. Он поднял меня еще на два

¹ *Капот* — домашнее женское платье XIX века.

дюйма. Прохладный ветерок раздувал широкие рукава капота — они трепыхались, точно муслиновые крылья.

Сдерживать смех я больше не могла. Он так и рвался из груди и наконец вырвался. Я вздернула себя еще на полфута и поймала изумленный взгляд старшего брата. Смех сделался только громче.

— Видел бы ты сейчас свое лицо...

— А ты чего хотела? — Впрочем, теперь Чарльз и сам ухмылялся и на удивление походил на того брата, который был у меня до того, как отправился в Оксфорд, до кутежей и глупых университетских выходок. — Ладно, Кэт, выполняй обещание. Ты же не собираешься висеть там всю ночь в одиночестве, верно?

— Разумеется. — Я закрыла глаза и ощупала темноту. — Готов?

В голосе Чарльза звучала усмешка:

— Даже к самому худшему.

Воздух, окружи его...

Футах в десяти треснул сучок — треск прозвучал в ночной тиши точно выстрел.

Я мигом открыла глаза. Развернулась в воздухе.

Между деревьями ко мне лицом стояла темная фигура.

Рот у меня раскрылся сам собой. Я рассредоточилась.

После чего качнулась вперед и рухнула на землю, ударившись левым плечом о здоровенный узловатый корень.

Ай!

Пищать, что мне больно, было некогда. Я перекатилась на спину и поднялась с земли. Темная фигура успела исчезнуть. Проклятье! Чарльз вскочил на ноги и устремился ко мне.

— Кэт, ты там...

Но я уже сорвалась с места.

— За меня не волнуйся! — крикнула я через плечо. — Нужно его поймать!

— Да чтоб тебя, Кэт, нельзя же вот так вот... Кэт! Подожди!

Отвечать я ему не стала. Нужно было беречь энергию для погони.

Я лавировала между стволами, перепрыгивала через узловатые корни — летела на крыльях ярости. Мой таинственный преследователь, видимо, решил, что он хитрец из хитрецов, раз сумел целую неделю следовать за мной через всю Англию, но шпионить за мной, когда я готовлюсь к обряду посвящения, — нет, это ему с рук не сойдет. Я от него не отстану, пока не выясню, какого дьявола он ко мне прицепился.

Вот только сказать проще, чем сделать. Пока я пробиралась сюда, на залитую лунным светом полянку, у меня было время аккуратно прокладывать себе путь по темному лесу. А теперь я неслась со всех ног, и все острые ветки, казалось, нарочно целили мне в лицо и в руки — и ни одна при этом не промахивалась. Когда я выскочила из-под деревьев на вершину холма, откуда открывался вид на трактир и деревню, я была вся в царапинах и громко пыхтела.

На холме оказалось пусто. В конюшне темно. Ни души.

От досады я издала громкий вопль.

Кем бы ни был мой таинственный преследователь, бежал он быстро — и при этом бесшумно. Если бы под ногой у него не треснул этот сучок, он мог бы всю ночь наблюдать за нами с Чарльзом, а я бы ничего не заметила.

О таком даже подумать страшно.

Обхватив себя руками за ребра, я посмотрела вниз, на конюшни, отделявшие меня от трактира. На меня глянули узкие темные окна, похожие на пустые глазницы.

Я не боюсь, сказала я самой себе. Ни капельки. Только трусы шпионят, подслушивают и убегают, если их обнаружили, — не стану же я бояться труса.

Правда, когда за спиной у меня треснул сучок, я обернулась так стремительно, что едва не упала.

Но это Чарльз вышел из-за деревьев, смахивая с брюк травинки.

— Чтоб им пусто было, этим корням, — пожаловался он. — По крайней мере один специально подставил мне подножку. — Он огляделся, нахмурившись. — Где он? И кто он такой?

— Сбежал, — ответила я, скрипнув зубами. — Опоздали.